

Он инстинктивно прикрылся лисьей шубой, его лицо выражало удивление и радость. Пальцы Сюэ Кайчао вдруг ощутили неожиданное тепло, словно он хотел дотронуться до его лица. Но Шу Цзюнь уже обрадовался и, в белом тумане, поднимающемся от воды, протянул руку к тёплому источнику:

— Как здесь оказался горячий источник?

Сюэ Кайчао оставил свою мысль и, естественно, начал снимать с него лисью шубу, положив её в сторону, а затем потянулся за поясом:

— Здесь раньше была обитель моей матери. После замужества с отцом она сюда возвращалась. В детстве... я тоже провёл здесь несколько лет. Для удобства было сделано много перестроек, и есть много скрытых деталей. Горячий источник, вероятно, был перенесён с помощью магии, чтобы наполнить горы и море. Ты можешь искупаться, это будет полезно для тебя.

Он говорил, продолжая раздевать Шу Цзюня, который, находясь на лечении, носил только нижнюю одежду. В каменной комнате, где часто зажигался духовный огонь, было тепло, и Шу Цзюню не было холодно, поэтому его легко раздели до пояса.

Шу Цзюнь слегка вздрогнул, возможно, от холода, а возможно, от смущения, и поспешно взял пояс, развязывая его:

— Я сам справлюсь.

Сказав это, он расстегнул одежду, и она соскользнула с его плеч. Шу Цзюнь, естественно, остановился. Он вспомнил, что они давно не были близки. Сначала из-за дел, потом из-за его ранений. В последнее время Сюэ Кайчао был сосредоточен на уходе за ним и общении с Ю Цюань, казалось, не торопясь ни вернуться, ни уехать отсюда. Хотя они спали вместе каждую ночь, но не могли заниматься этим.

Шу Цзюнь знал своё тело и понимал, что мог бы справиться, но Сюэ Кайчао явно не был заинтересован, и как он мог сказать, что готов? Он оказался в затруднительном положении.

Обычно Шу Цзюнь не думал об этом, но, вспомнив, не мог попросить Сюэ Кайчао уйти. Хотя он не знал, почему Сюэ Кайчао оставался, но продолжать раздеваться перед ним он не мог. Он не боялся, что Сюэ Кайчао заставит его, скорее боялся, что сам заставит Сюэ Кайчао. Поэтому он прикусил губу, его глаза стали влажными, и он с трудом произнёс:

— Это... не стоит беспокоить господина...

Сказав это, он опустил голову, надеясь, что Сюэ Кайчао поймёт и уйдёт. Иначе его лицо бы загорелось.

Сюэ Кайчао слегка приподнял бровь, но затем сел на другой конец камня, объяснив:

— Ты слаб, и без присмотра можешь не встать.

Шу Цзюнь никогда раньше не купался в горячем источнике, но подумал, что может уснуть и не суметь выбраться. Если бы ему пришлось звать на помощь, это было бы ещё более унижительно. Поэтому он больше не настаивал на том, чтобы Сюэ Кайчао ушёл.

Но сидеть в воде, пока Сюэ Кайчао наблюдает с берега, было странно, и Шу Цзюнь пригласил:

— Тогда, может, господин тоже зайдёт?

Сюэ Кайчао согласился, кивнув, и встал, начав раздеваться перед ним. Он никогда не стеснялся таких вещей, его движения и выражение лица были естественными. Шу Цзюнь знал это с давних времён, Сюэ Кайчао не был человеком, который долго сдерживал свои желания. Он всегда знал, чего хочет, и добивался этого без колебаний. Их интимная жизнь была гармоничной благодаря руководству Сюэ Кайчао и покорности Шу Цзюня. Это было хорошо, но Шу Цзюнь не мог сопротивляться и был единственным, кто стеснялся.

Теперь Сюэ Кайчао быстро обнажил свои широкие плечи и узкую талию, и Шу Цзюнь замер, не в силах отвести взгляд. Он знал, что Сюэ Кайчао красив, но никогда не видел его так ясно при дневном свете. Его лицо загорелось, и он быстро снял оставшуюся одежду, первым скрывшись в воде, свернувшись, чтобы скрыть себя.

В горячем источнике ничего не росло, но на берегу было дерево, нависающее над водой, с красными ягодами размером с кулак младенца. Шу Цзюнь уже пробовал их, они были кисло-сладкими. Теперь, чувствуя себя в безопасности, он смотрел на ягоды и сорвал одну.

Он разглядывал ягоду с тонкой кожицей и сочной мякотью, не замечая, как Сюэ Кайчао спустился в воду и обнял его за талию:

— Как ощущения?

Шу Цзюнь вздрогнул, не сдержав крика, и ягода упала в воду, обрызгав его лицо. Она медленно уплыла.

Удивлённый его реакцией, Сюэ Кайчао не отстранился, ожидая ответа. Шу Цзюнь, будучи ниже, оказался в его объятиях, и, повернув голову, мог видеть только грудь Сюэ Кайчао. Такая близость быстро вызвала у него головокружение, словно он уже растворился в горячей воде, и даже попытки отстраниться не помогли.

Шу Цзюнь, смущённо, ответил:

— Немного кружится голова.

Сюэ Кайчао наконец дотронулся до его лица и притянул его ближе. Шу Цзюнь не мог двигаться и невольно тёрся о него. Оба были полностью обнажены, и в горячем источнике среди гор вскоре почувствовали нечто необычное.

Шу Цзюнь знал своё состояние и, заметив реакцию Сюэ Кайчао, почувствовал, что его разум покинул его. Он всегда знал своё место, но теперь, видя, как Сюэ Кайчао реагирует на него, почувствовал незнакомую радость и гордость.

Он подумал: «Это из-за меня».

И, потеряв всякую сдержанность, прижался к нему, протянув руку:

— Я помогу господину...

Его рука была схвачена, и Сюэ Кайчао посмотрел на него с неясным выражением.

Шу Цзюнь почувствовал, как дрожь пробежала по телу, осознав, что попал в ловушку, из которой не сможет выбраться.

Шу Цзюнь не умел соблазнять, он просто делал это изо всех сил. Он чувствовал, что тоже был взволнован, иначе не стал бы так поступать, но, когда его руку схватили, он понял, что в этом деле он действительно неопытен. Если бы Сюэ Кайчао не остановил его, он, возможно, смог бы справиться, но теперь он не знал, что делать. Он лишь растерянно посмотрел на Сюэ Кайчао.

Тот же оставался спокойным, легко обнял его и отодвинул прядь волос, прилипшую к плечу:

— Ты ранен, не перенапрягайся.

Хотя он так сказал, но не отпустил его, и они продолжили купаться вместе, прижавшись друг к другу. Шу Цзюнь и Сюэ Кайчао оказались лицом к лицу, и вскоре Шу Цзюнь почувствовал, как его тело охватывает жар, он стал мягким и беспомощным, его уши покраснели, и он попытался умолять:

— Тогда не надо... Я слабею...

Сюэ Кайчао вдруг вспомнил что-то постороннее. Молодые, свежие листья, качающиеся на деревьях весной, букет диких цветов в белой фарфоровой вазе, белые пионы, упавшие в нефритовую чашу.

Хотя это было не связано, но каждое из этих образов можно было применить к Шу Цзюню, лежащему под ним, который, хотя и знал, что сегодня не сможет избежать, всё же не хотел принимать это.

Раньше он не находил это интересным — наблюдать за человеком, видеть, как он растёт. Как наблюдать за цветком, видя, как он распускается. Хотя медитация могла принести много ощущений, Сюэ Кайчао никогда не обращал на это внимания.

Как чистый пруд, отражающий всё, что происходит на берегу, но никогда не позволяющий ничему коснуться своего сердца.

Шу Цзюнь упал в воду случайно, но, полностью промокнув, он больше не мог уйти, потому что вода, сверкающая в пруду, изменила свои намерения и не позволила ему уйти.

Чем дольше длилось молчание, тем больше Шу Цзюнь съёживался, его глаза покраснели, как у кролика. Змейка, скрывавшаяся в его теле несколько дней, появилась у него за спиной, свободно скользя, обвивая его талию и грудь, тонкая, но очаровательная.

На грани.

<http://bllate.org/book/16142/1445714>